

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-2-250-261

EDN: HYYXQX

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Медицинские темы в «Осколках московской жизни» А.П. Чехова

Ш. Нин

*Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
Московский государственный университет имени Ломоносова, Москва, Россия
✉ ningshilei91@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – интерпретация и анализ медицинских мотивов в цикле ранних и мало известных исследователям фельетонов А.П. Чехова «Осколки московской жизни». Автор попытался реконструировать взгляд Чехова-публициста, выявить причины преобладания критической интонации в описании проблем социальной медицины. Проанализировав язык очерков, его повествовательные и дескриптивные формулы, можно прийти к выводу, что именно врачебная практика позволила Чехову не только глубже понять человеческие страдания, но и столкнуться с пороками системы здравоохранения. В «Осколках московской жизни» начинает формироваться доминанта художественного стиля писателя. Для Чехова важна не критика существующей власти, а эмоциональное вовлечение читателя в актуальные проблемы общества и системы здравоохранения.

Ключевые слова: Чехов, медицина, публицистика, фельетонное обозрение, общество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.; отрецензирована 18 марта 2024 г.; принята к публикации 20 апреля 2025 г.

Для цитирования: Нин Ш. Медицинские темы в «Осколках московской жизни» А.П. Чехова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 2. С. 250–261. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-250-261>

© Нин Ш., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Medical Topics in *Fragments of Moscow Life* by A.P. Chekhov

Shilei Ning

Shenzhen MSU–BIT University, Shenzhen, People's Republic of China
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉ ningshilei91@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to interpret and analyze medical motive in A.P. Chekhov's early and little known to researcher feuilletons by A.P. Chekhov *Fragments of Moscow Life*. The author attempts to reconstruct the view of Chekhov the publicist and to reveal the reasons for the predominance of critical intonation in the description of the problems of social medicine. The task of the study is to analyze the language of the essays, its narrative and descriptive formulas found in this cycle of feuilletons. As a result of the study, the author concludes that it was medical practice that allowed Chekhov the writer not only to understand human suffering more deeply, but also to directly encounter the vices of the health care system. In the cycle of feuilletons *Fragments of Moscow life* begins to form the dominant artistic style of the writer. Chekhov's main task is not to criticize the existing authorities, but to emotionally involve the reader in the actual problems of society and the health care system.

Keywords: Chekhov, medicine, journalism, feuilleton review, society

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Founding. The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU–BIT University.

Article history: submitted February 10, 2025; revised March 18, 2025; accepted April 20, 2025.

For citation: Ning, Sh. (2025). Medical Topics in *Fragments of Moscow Life* by A.P. Chekhov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(2), 250–261. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-2-250-261>

Введение

Путевые очерки А.П. Чехова «Остров Сахалин», написанные в 1891–1893 гг. после путешествия на Сахалин в 1890 г., вызвали огромный резонанс среди читателей и общественных деятелей. Это связано с тем, что поездка и книга – итог невероятного физического и умственного напряжения писателя – создает предпосылки для духовного прорыва. «Остров Сахалин» позволяет погрузиться в более глубокие размышления о творчестве Чехова в этот период времени. Однако исследователи нередко стараются показать работу Чехова в двух его нереализованных проектах – «Истории полового авторитета» и «Врачебном деле в России». «Осколки московской жизни» в этот круг не включаются, несмотря на то что это единственный состоявшийся, достаточно цельный и внушительный по объему материал, который заставляет признать, что не все задумки Чехова-публициста оканчивались неудачей.

Со 2 июля 1883 по 12 октября 1885 г. Чехов опубликовал результаты своих наблюдений, посвященных различным аспектам общественной и частной жизни Москвы того времени в рубрике «Осколки московской жизни» для журнала «Осколки». В регулярных фельетонах он, между прочим, отразил свои взгляды на медицинскую этику и состояние медицины тогдашней России. За три года работы были написаны 50 фельетонов-обозрений, которые раскрыли медицинскую мысль Чехова и по-своему способствовали созданию книги «Остров Сахалин».

«Осколки московской жизни» в контексте современных новостей и текущих событий внушают скептическое отношение, но в историческом и социологическом аспектах вызывают интерес. Поэтому данными фельетонами не следует пренебрегать, какими несерьезными они ни казались бы: «Читая фельетонное обозрение Чехова, мы не только ярко представляем Москву и москвичей такими, какими они были более ста лет назад, но и ощущаем личность и позицию самого Чехова, его отношение к изображаемому, его взгляд писателя-врача» (Быстрова, 2016, с. 238–246). Трудно не согласиться с таким посылом. Конечно, уже первый репортаж «Осколков московской жизни» предлагает читателю довольно выразительную картину. Но в самом ли деле Москва превзошла иные города и веси в печальном опыте оказания ритуальных услуг? Интересно, чем же все-таки московское «мерзавчество» (сваха, предлагающая вдовцу свои услуги) успело переплюнуть любое другое? Насколько, например, таганрогский опыт Чехова в этом отношении уникален? Размышления по этому поводу подталкивают к мысли о рациональности и своеобразной предопределенности обрисованной ситуации.

Результаты и обсуждение

Публицистичность

В фельетоне от 2 июля 1883 г. Чехов пишет: «Видеть у себя в доме покойника легче, чем самому помирать. В Москве же наоборот: легче самому помирать, чем покойника в доме у себя видеть» (С. XVI, с. 34)¹, так как ритуальные услуги превратились в форму грабежа, став инструментом зарабатывания денег для «госпитальных солдафонов», гробовщиков, «читалок» и даже свех. Они не оставляют родственникам умершего возможности отжаться переживаниям утраты, а только навязывают услуги, связанные с похоронами: придется волей-неволей соглашаться с их «ценой без запроса»: «закапывая своего домочадца, москвич впервые только узнает, как почерствел, застыл и искулачился московский мерзавец» (С. XVI, с. 34). Похороны представляют собой одну из самых древних традиций, отражающих психологическую, эмоциональную потребности в прощании с умершим, его поминовении. Это слож-

¹ Далее все цитаты из текстов и писем Чехова приводятся по Полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова (М.: Наука, 1974–1988) с указанием серии (П. – Письма или С. – Сочинения), номера тома и страниц в скобках.

ный ритуал, эстетический обрядовый комплекс. Но в Москве на это уже давно закрывают глаза. Смерть человека здесь рассматривается только как новая возможность заработать, а в этом нездоровом климате все зарабатывающие неизбежно становятся «разрушителями эстетики».

В фельетоне от 16 июля 1883 г. Чехов в качестве медицинского специалиста наблюдает за тем, как очередное нововведение становится способом зарабатывания денег под вывеской губернского земства, несовершенный устав которого позволяет мошенникам или нерадивым сотрудникам пользоваться бедой, – теперь это «страхование скота от чумы». «Мужик откликнулся, согласился и взнес за каждую скотскую персону около 20–60 коп. Всего внесено было имущими скот 60 000 русских рублей! Капитал, как видите, ничего себе...» (С. XVI, с. 37). Функция губернского земства заключается только в сборе денег, нанятый штат медиков различной квалификации немедленно преобразуется в компанию равнодушных к делу людей, цель которых не заплатить «ни за одного павшего скота». Игра слов заставляет читателя задуматься над странной игрой административного «случая». Из-за сложной и длительной процедуры констатация утраты домашнего скота занимает около недели, поэтому по законам здравого смысла чумная падаль в течение этого периода времени уже глубоко в земле. Фельдшер же, «не имея перед глазами пациента или видя один только разложившийся труп, авторитетно констатировал не чуму, а „неизвестную болезнь“» (С. XVI, с. 37). Ветеринарная инстанция и местные власти забывают о профессиональной этике, пренебрегая своими обязанностями. Чехову, прекрасно понимающему риск, остается саркастически вопрошать коллег: «А господа ветеринары сидят и ни гу-гу... Им решительно невдомек: за что они получали жалованье? Фельдшера хоть на пользу науки новую болезнь выдумали и протоколы сочиняли, а они-то что сделали?» (С. XVI, с. 38).

В Москве происходят и другие события, подобные введению «страхования скота от чумы», например налог на болезни, который «изобрела» дирекция императорских театров: «Были у нас на Руси всякие налоги, прямые, продольные, поперечные, косвенные, а о налоге на болезни не гласит даже и предание. Даже Иван Калита и татарские баскаки не имели понятия об этом налоге» (С. XVI, с. 64). Опережая другие источники, Чехов восстает против такого негуманного законотворчества: «Медицинское свидетельство в расчет не принимается. Схватит артист тиф – штраф, оторвет у артиста локомотивом ногу – штраф, стукнет его кондрашка – тоже штраф...» (С. XVI, с. 64).

Чехов оказывается перед необходимостью объяснить закон жизни, когда люди расплачиваются за свои недуги – словно несут некую общественную повинность, как артист Н., у которого умер сын, жена заболела с горя, а сам он впал в нервное расстройство. Тем не менее, ему пришлось выплатить штраф за свое «неартистическое настроение». Размер штрафа зависит от степени заболевания: «Болезни бывают маленькие, средние и большие. За маленькие будут брать меньше, за большие больше. Порок сердца дороже катара желудка, а катар желудка дороже носового кровотечения. Больше всего будут брать

за послеродовое состояние...» (С. XVI, с. 64). Установление таких правил уже патология. Чехов демонстрирует искажение общества своего времени в том, что люди вынуждены нести «общественную повинность» за свои недуги. В социально здоровом обществе болезнь обычно воспринимается как несчастье, физическое или психическое расстройство, требующее поддержки и понимания. Однако в данном парадоксальном мире болезнь превращается в нарушение, за которое необходимо расплачиваться. Это может быть истолковано как критика общественных норм, накладывающих на людей лишнее бремя.

Другая сторона дела демографическая, и, как видно, она давно привлекает внимание писателя. Москва отличается от любого «европейского и азиатского» города своим небывалым уровнем смертности: «Независимо от нашего хромящего на обе ноги статистического бюро всему миру известно, что москвичи любят помирать <...> Процент смертности у нас превышает сорок на тысячу. Парижане и лондонцы, у которых этот процент не превышает двадцати, могут подумать, что у нас целый год свирепствует холера или чума» (С. XVI, с. 98). Однако не болезнь виновата, а алчность докторов и равнодушные ближних к нуждам больного. Чехов заставляет задуматься, как можно облегчить страдание пациента, помочь ему пережить боль, и этот мотив впоследствии станет ключевым в книге «Остров Сахалин». Врачи не обращают внимания на варварский способ перевозки больных, хотя применяется он «только цивилизованными городскими» (С. XVI, с. 98). Внешность современного города скрывает жестокие нравы: «Пока больной доедет, так ему все суставы повывихнут, печенки отобьют и мозги повытрясут...» (С. XVI, с. 99).

Нельзя сказать, что ситуация в Москве безнадежно плоха, но даже подвиги санитарной службы порождают открытия не самые приятные. Чехов наблюдает за санитарным скандалом на московской шоколадной фабрике и в домах призрения, как он пишет в рубрике фельетона: «На его шоколатной фабрике они нашли такую нечисть, перед которой затыкали себе носы даже извозчицьи лошади. <...> Приготовление шоколата, драже и духов, омовение невинных младенцев и разведение ваксы для чистки сапог производятся в одних и тех же посудицах» (С. XVI, с. 125). Если гигиена продуктов не гарантирована, неудивительно, что болезнь прогрессирует и распространяется: «А ранее думали, что если в Москве будет холера, то она непременно начнется с Хитрова рынка» (С. XVI, с. 126).

По поводу богадельни сказано: «Санитары нашли, что благодетельствуемые люди задыхаются от вони, заражают друг друга болезнями, спят на кроватях по двое, едят вонючую дрянь. Старухи живут в одной комнате с идиотами, в кладовых гниют и распространяют заразу сто пудов грязного белья <...> Гнусность богадельных прелестей увеличивается еще тем, что каждый, попавший волею судеб в этот приют на жертву тифу и паразитам, должен быть довольным» (С. XVI, с. 126–127). Это предвосхищает картины, с которыми Чехов летом 1887 г. вынужден будет познакомиться по книге П.А. Архангельского (Архангельский, 1887). Даже санитарный попечитель и гласный думы

И.И. Бровкин уличен в несоблюдении санитарных правил. Чехов вскрывает социальный механизм превращения нарушений в систему, когда люди привыкают к нездоровой среде обитания, закрывают на нее глаза.

Таким образом, уже в «Осколках московской жизни» достаточной устойчивостью обладает тенденция к воссозданию аспектов медицинского «благополучия» городского населения.

«Считалось, что болезнь – это продолжение личности и следствие жизни пациента. Болезнь – наказание за греховную жизнь и приверженность одному или нескольким порокам. Исцелив душу, больной, как правило, излечивал и тело» (Смилянская, 2006, с. 28–40). В фельетоне Чехова от 2 марта 1885 г. читаем: когда в городе распространились слухи об угрозе холеры, управа учредила новые должности с соответствующим окладом. Санитарные попечители и врачи должны были получать 125 рублей в месяц. Осознав важность профилактики эпидемии и чистоплотности, «в первые дни своего служения врачи ходили по дворам и домам, вычисляли кубические футы и удивлялись человеческой нечистоплотности». Но страх не вечен, и указанные господа «занялись <...> не менее плодотворной работой. Получают они теперь свои 125 р., воспитывают в страхе детей, женятся, обедают, пьют чай, курят „Египетские“ и насвистывают романсы...» (С. XVI, с. 153). Болезни – это наказание за социальные пороки (в частности, халатное отношение к своим обязанностям врачей и администрации). Понимая, что победить холеру практически невозможно, Чехов ограничивается фарсом: «Холере остается только испугаться таких экстренных мер, подобрать полы и подобру-здорову удрать...» (С. XVI, с. 153).

В одном из фельетонов также упоминаются варшавские доктора, которые решили вдруг, что «отношение врачей к публике, публики к врачам, врачей к врачам и публики к публике» важнее, чем лечение болезни. Поэтому они отложили свои шприцы и зонды и составляют «этические правила для врачей» (С. XVI, с. 111). Для московских коллег этические стандарты могли бы определять направление развития городской культуры врачевания, надеется молодой писатель: «Короче говоря, делая нравственный выбор, врач должен проявлять определенную решительность, чтобы переходить от размышлений и сомнений к действиям» (Волохова, 2016, с. 207–214).

Врачу ежеминутно приходится принимать решения, связанные со здоровьем, жизнью, правами и достоинством личности (Камалиева, 2013, с. 21). Итак, медицинская мораль, по убеждению Чехова, должна встраиваться в рамки социальной, иначе возникает общественный кризис.

Так, в Москве люди начали терять интерес ко всему, помимо самих себя, включая и интерес к семейной жизни. В фельетоне от 30 июля 1883 г. звучит возглас: «Женихов, женихов и паки женихов!!! Это <...> вопль истерзанной души <...> слезою соответственной орошенный» (С. XVI, с. 40). Для молодых вступление в брак означает большую ответственность и большее давление. Эгоист не желает быть связанным браком: «Мужчины точно перебесились или же все оптом обет девства дали: не женятся, хоть ты им кол теши на

голове! Их просят, умоляют, кормят обедами, манят приданым, но все тщетно... Процент старых дев все растет и растет...» (С. XVI, с. 40).

«Равнодушие к вопросам науки» можно найти в фельетоне, посвященном проблемам ухода за московским зоосадам: «Есть ли у них звери или нет у них зверей, для них решительно все равно» (С. XVI, с. 43). Люди становятся равнодушными и игнорируют недоразумения вокруг.

Автор пытается метафорически воздействовать на сознание тех, чья совесть еще открыта и вызывает сопротивление несправедливости. Одно-два мелких нарушения («Посмотрите-ка в микроскоп на муху или блоху! Сколько интересного, нового!») (С. XVI, с. 44) не вызывает протеста, но при молчаливом согласии несет угрозу страшной опасности – холеры: «скоро прибудет в сад еще новый, давно уже не виданный зверь... Этот зверь – холера. За прибытие его ручается та страшнейшая, зловоннейшая вонь, которая ни на секунду не расстается с садом...» (С. XVI, с. 44). Острые вопросы позволяют наметить параллель с очерком «Фокусники»: «Воняет, животныедохнут с голода, дирекция отдает своих волков за деньги на волчьи садки, зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают спать зверям, которые еще не околели с голода...» (С. XVI, с. 246).

Потребность в гармоничной картине мира в «Осколках...» повторяла чеховские студенческие запросы: «Работа должна была, по плану Чехова, охватывать зоологию и антропологию, историю человеческого общества (в части, касающейся темы) и историю науки, основываться на данных и научных выводах медицины» (Романенко, 1962, с. 58). Это – о затее «Истории полового авторитета», которая, правда, заставляла сомневаться в осуществимости намерений, принципиальной возможности создания опытной базы для такого большого исследования: «Рукопись, – писал Чехов старшему брату Ал.П. Чехову, – едва ли выйдет толстая: нет надобности, ибо естественная история повторяется на каждом шагу, а история через 2 шага... Оба сделаем дело, и, поверь, недурно сделаем... Ты возьмишь одну ступеньку, я другую и т.д.» (П. I, с. 65).

Такая связь может показаться странной, требовать объяснения. В публицистических работах авторы рассказывают о новостях, свежих событиях: «новость должна нести в себе очевидный факт, существенно изменяющий реальную конкретную ситуацию» (Лазутина, 2008, с. 86). В «Осколках московской жизни» множество зарисовок складывается в публицистику, но она не содержит завершенного по законам публицистического жанра объявления новости, «сгущение красок в официальной публицистике, способное привести читателя в ужас...» (Ахметшин, 2019, с. 33). Причина такого результата заключается в том, что изначально Н.А. Лейкин поставил перед Чеховым задачу, чтобы тот старался избегать цензурных проблем.

Принцип круга

Значит ли это, что Чехов пытается скрыть момент полемического опровержения и что его репортажи не несут новостного характера? Не совсем, ведь сообщение так или иначе становится предметом высказывания. Однако опре-

деленная дискредитация сообщения происходит в пределах почти каждого очерка, и это представляет интерес.

Это происходит в силу опоры на принцип круга и тяготения писателя к эллиптичности высказывания, что и нуждается в анализе.

Принцип круга заключается в том, что Чехов намечает темы, к которым возвращается. Много места в рубрике «Осколки московской жизни» отводилось состоянию буржуазной печати. Чехов внес новую тему в фельетонное обозрение – характеристику газетно-журнальной жизни Москвы (Есин, 1977, с. 238). Но возможны и формы параллелизма, сказывающиеся «в сюжетном построении, в характеристике субъектов и объектов действия и в нанизывании мотивов повествования» (Якобсон, 1986, с. 523). Предполагается, что круг – это и как бы конструкция очерка, где желание высказать прямое отношение требует от мысли – компактности, от сюжета – петли. Его слова или мысль обычно повторяются в конце очерка, нередко воспроизводится и какой-либо элемент из его начала, то есть возникает кольцевая композиция.

Чехов во множестве использует литературные аллюзии: «ненужная возня в квартале <...> все это грубо, алчно и пьяно, как Держиморда, которому не дали опохмелиться» (С. XVI, с. 34); «Гуси, как известно из басни Крылова, Рим спасли» (С. XVI, с. 35); «Вот они где, разрушители эстетики!» (С. XVI, с. 35); «собственность есть воровство» (С. XVI, с. 37), – зачастую раскрываемые самим автором. Такого рода формулы становятся проводниками остроумия – важнейшего по частотности проявления языка писателя. Как и расшифрованные аллюзии, Чехов в готовом виде предлагает читателю осмысление ситуации. Здесь и применяются кольцевые сюжетно-композиционные формы. Это, например, обыгрывание слова «скот» (страхование скота от чумы, скотская персона, павшая скотина, ни за одного павшего скота). Игра слов разнообразная и по количеству форм может конкурировать с прозой тех лет: ритмические конструкции и рифмованные понятия – «московские похороны (да и вообще все имена существительные, кончающиеся на „ны“...)» (С. XVI, с. 34). Чехов применяет тотальное комическое обыгрывание – достигает своеобразной абсолютизации комоса (вышучивание, иронизирование, осмеяние, применение гиперболы, гротеска и пр.) вплоть до системы речевых жанров, поставленных на службу комике.

При этом Чехов, заинтересованный в сокрытии авторства, не выступает от своего лица. Псевдонимы лишь начало: особенности его речевой тактики указывают на стремление создать речевую маску автора, который накладывает на себя определенные обязательства перед городом и его населением, обществом. Наряду с этим дескриптивные элементы редуцируются до форм констатации и сворачиваются в образы-иллюстрации, как в ситуации похорон: «Самый большой ерш, ставший поперек горла, не производит на мои нервы такого сильного, душасящего впечатления, какое производят московские похороны» (С. XVI, с. 34).

Кроме этого, нельзя не обратить внимание на динамичную мотивную структуру: мотив задается без преамбулы, в четко маркированном стилевом

поле, преподносится в недвусмысленной организации (ситуация гробовщика (С. XVI, с. 34); показное славянофильство (С. XVI, с. 35); свет просвещения и технического прогресса (С. XVI, с. 35–36) и т.п.) – без мотива не обходится ни один репортаж. Есть и ряд сквозных мотивов, помогающих воссоздать картинку грубых нравов и утраты человечности: не помнящие родства родственники (с. 34), московские зодчие (с. 35), г-н Пушкарёв (с. 35–36) и пр.

Принцип эллипсиса представляет собой умолчание – пропуск понятного, заполняемый воображением читателя; при этом разгадка тщательно подготовлена автором и, в сущности, имеет явный характер (Назирова, 1998, с. 61). В условиях строгой цензуры Чехов вынужден замалчивать чувствительные темы. Такие литературные опыты далеко не редкость (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин). Чехов часто использует прием умолчания и превращает свое сообщение в очерке в речевую игру, это вызывает использование большого числа речевых фигур, идиоматики, риторических конструкций, создающих комический эффект. Активно используются переключки, возвращающие нас к комическому началу, поскольку переключка срабатывает в тексте очерка как кольцо. Например, сизый нос родственника переключается с красным носом гробовщика, видом непохмелившегося Держиморды и нетрезвым отношением к чужому горю всех участников печальной пьесы; комическое обыгрывание устойчивых конструкций (превращение пословицы в цитату с приращением смысла – ссылка на басню Крылова (С. XVI, с. 35) – делает ее более сгущенной, дополняет новыми оттенками) порождает метафорические отношения в репортаже. Как говорит Полоцкая, без этих переключек, повторов, лейтмотивов рассказов Чехова, кажется, не был бы «чеховским» (Полоцкая, 2000, с. 424).

Кроме этого, медицинские тезисы и ситуации в «Осколках московской жизни» насколько допускают анализ языка очерков, его повествовательных и дескриптивных формул, что воспроизводят сюжетику чеховской юморески. Например, очерк о женихах в статье <3. 30 июля>, комически обыгрывающий демографические вопросы («Где нет браков, говорит наука, там нет населения» (С. XVI, с. 41)), переключается с написанным летом 1882 г. рассказом «Скверная история» о Леле Асловской, у которой никак не складывается хоть какая-то личная жизнь: «...мужчины вели себя по отношению к ней больше чем по-свински <...> Она заметила, что они перестали обращать на нее внимание. Они стали неохотно плясать с ней» (С. I, с. 213). Трудно представить, что Чехов взялся за эту пустую проблему на «бестемье», но и умолчание в комментариях в XVI томе Полного собрания сочинений и писем невольно подкрепляет данное предположение. Подобная параллель возникает при сопоставлении второй части очерка <4. 13 августа> и фельетона «Фокусники» (1891), написанного Чеховым в соавторстве с В.А. Вагнером: «Оправдываются люди тем, что в саду, мол, все зверье от голода передохло» (С. XVI, с. 43) и «Здесь мы прежде всего сталкиваемся с странным отношением московской публики к своему ученому саду. Она иначе не называет его, как „клад-

бищем животных“» (С. XVI, с. 248). И в данном случае общность возникает при актуализации проблемы – содержания животных в московском Зоологическом саду.

В хорошо известном фельетоне от 8 октября Чехов пишет о необходимости гуманного отношения к прислуге и соблюдения правил гигиены труда, в центре которой оказываются мальчишки-лавочки: «Бить ребят можно сколько угодно и чем угодно. Не хочешь бить рукой, бей веником, а то и кочергой или мокрой мочалкой, как это делают хозяйки и кухарки» (С. XVI, с. 54). Жестокая диалектика торгового быта, воссозданная Чеховым, тесно связана с будущими рассказами «Ванька» (1886) и «Спать хочется»: «А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит <...> а спать нельзя; если Варька, не дай бог, уснет, то хозяева прибьют ее» (С. VII, с. 7). Мы понимаем, что Чехов производит отбор аргументационного и иллюстративного материала еще в момент обращения к теме и что о самых болезненных вопросах он не пишет вообще.

Заключение

Чехов, выступая в роли врача и публициста, проявляет себя в очерках, фельетонах как внимательный наблюдатель и сдержанный рассказчик. Анализ языка его текстов показывает, что писатель мастерски передает сюжеты юморески, которые при этом содержат глубокие социальные и моральные значения. В его фельетонах можно обнаружить множество параллелей между различными текстами, что подчеркивает целостность авторского мира и постоянное обращение к значимым для него темам. Чехов выделяет различные социальные проблемы, включая медицинские и демографические вопросы, отношение к животным, гуманное обращение с прислугой, условия труда и т.д. При этом он использует умолчания и сдержанность в изложении, которые, наоборот, вызывают больший отклик у читателей. Автор производит отбор аргументационного и иллюстративного материала, и даже в коротких репортажах и сообщениях способен передать свою скорбь и сочувствие к людям, которые сталкиваются с трудностями и несправедливостью в жизни. Его творчество остается актуальным и ценным как в социальном, моральном, так и в литературном аспектах.

Список литературы

- Архангельский П.А.* Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П.А. Архангельским. М., 1887.
- Ахметшин Р.Б.* «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) // Мелихово. Альманах. Мелихово, 2019. С. 33.
- Быстрова Т.Е.* «Осколки московской жизни» А.П. Чехова как энциклопедия Москвы первой половины 80-х годов XIX века (к вопросу о прецедентности) // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5А. С. 238–246.

- Волохова Н.В. Свобода-ответственность в контексте биоэтики (на основе философского наследия Л.Н. Толстого) // Известия ЮЗГУ Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3(20). С. 207–214.
- Есин Б.И. Чехов – журналист. М. : Изд-во Московского университета, 1977. С. 104.
- Камалиева И.Р. Социально-философский анализ современных проблем врачебной этики : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2013. С. 21.
- Лазутина Г.В. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 82–98.
- Назирова Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы : сб. статей. Уфа : Гилем, 1998. С. 57–71.
- Романенко В.Т. «Чехов и наука». Харьков : Харьковское кн. изд-во, 1962. 208 с.
- Смилянская Е. Сакральное и телесное в народных повествованиях XVIII века о чудесных исцелениях // Русская литература и медицина : Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / сост. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 28–40.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах. Письма : в 12 томах. М. : Наука, 1974–1988.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах. Сочинения : в 18 томах. М. : Наука, 1974–1988.
- Якобсон Р.О., Поморская К. Беседы = Jakobson R.O. Selected Writings. Berlin, 1988. Т. 8. С. 523.

References

- Arkhangelsky, P.A. (1887). *Report on the inspection of Russian psychiatric institutions, made on behalf of the Moscow provincial zemstvo sanitary council by the doctor of the Voskresenskaya zemstvo hospital P.A. Arkhangelsky*. Moscow. (In Russ.)
- Akhmetshin, R.B. (2019). The question is young, interesting for doctors and zemstvo people (Zemstvo medicine and psychiatry in Chekhov's biography). *Melikhovo. Almanac. Melikhovo*, 33 (In Russ.)
- Bystrova, T.E. (2016). Shards of Moscow life by A.P. Chekhov as an encyclopaedia of Moscow of the first half of the 80s of the XIX century (to the question of precedence). *Culture and Civilisation*, 6(5A), 238–246. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1974–1988). Complete Collection of Works and Letters (30 vols). *Letters* (12 vols). Moscow : Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1974–1988). The Complete Collection of Works and Letters (30 vols). *Works* (18 vols). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Esin, B.I. (1977). *Chekhov – journalist*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)
- Jakobson, R.O., & Pomorska, K. (1988). Conversations. *Selected Writings* (Vol. 8, p. 523). Berlin. (In Russ.)
- Kamaliyeva, I.R. (2013). *Socio-philosophical analysis of modern problems of medical ethics* [Doctoral Dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.)
- Lazutina, G.V. (2008). News journalism in the light of the subject-functional approach to the differentiation of genres. *MSU Vestnik. Ser. 10. Journalism*, (5), 82–98. (In Russ.)
- Nazirov, R.G. (1998). The figure of silence in Russian literature. In R.G. Nazirov (Ed.), *Poetics of Russian and foreign literature: Collection of articles* (pp. 57–71). Ufa: Gilem. (In Russ.)
- Romanenko, V.T. (1962). *Chekhov and Science*. Kharkov Book Publishing House. (In Russ.)
- Smilyanskaya, E. (2006). Sacral and bodily in folk narratives of the XVIII century about miraculous healings. In K. Bogdanova, Yu. Murashova, & R. Nicolosi (Compilers),

Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice: a collection of articles (pp. 28–40). Moscow: New Publishing House. (In Russ.)

Volokhova, N.V. (2016). Freedom-responsibility in the context of bioethics (based on the philosophical heritage of L.N. Tolstoy). *Izvestiya YuZGU Series: Economics. Sociology. Management*, (3), 207–214. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шилэй Нин, аспирант, Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн; аспирант кафедры истории русской литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0003-1015-3943. E-mail: ningshilei91@mail.ru

Bio note:

Shilei Ning, Postgraduate Student of the Joint Program, Shenzhen MSU–BIT University and MSU, 1 International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, 518172, People’s Republic of China; Postgraduate Student of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1015-3943. E-mail: ningshilei91@mail.ru